

ГОРОД КАК ЭКСПЛИКАНТ БАЗИСНЫХ КОНЦЕПТОВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

С. В. Капустина

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Россия, 295007, Республика Крым, Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4
Поступила в редакцию 05.07.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-9

Восприятие Ф.М. Достоевского как живописателя Петербурга закономерно стало литературоведческой аксиомой. Однако современные исследователи обращают внимание на значимость для классика и иных городов, неразделимо связанных как с его биографией, так и с творчеством. Ф.М. Достоевский не только чутко распознавал зрительные метафоры и историко-культурные нарративы тех мест, где ему суждено было оказаться, но и включал прозорливо считанные городские тексты в свои произведения. Настоящая статья нацелена на выявление тех «локальных текстов» городского пространства романа «Подросток», которые способствуют реконструкции его базисных концептов. В работе утверждается системность и целостность созданной Ф.М. Достоевским художественной геопанорамы, поэтому восстановление заданных как им, так и его героями концептов осуществляется при соположении ее отдельных точек, формирующих своеобразные «изолинии». В качестве аналитико-иллюстративного материала приводятся различные модификации таких «изолиний» романа «Подросток», элементами которых становятся Петербург, Москва, Кёнигсберг, Эмс. «Локальные тексты» перечисленных городов способствуют восстановлению ядерных смыслов базисных концептов предпоследнего произведения Ф.М. Достоевского, среди которых – «беспорядок», «безобразия», «благообразие», «случайное семейство», «сила», «сердце», «живая жизнь», «странничество», «скитальчество», «служение», «лакейство».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Подросток», город, концепт, локальный текст, «петербургский текст», «московский текст», «кёнигсбергский текст», «эмсский текст»

Постановка проблемы. Исследованию символики городского пространства художественных текстов посвящен широкий корпус культурологических, литературоведческих, философских работ. В их числе объемная научная библиография об особой – психологически и экзистенциально аранжированной – урбанистике Федора Михайловича Достоевского, начавшего профессиональное восхождение в амплуа душевидца петербургских углов и завершившего творческий путь в качестве «первого сознательного строителя Петербургского текста как тако-

го» (Топоров, 1984, с. 15), создателя цельно-единой и многомерной «петербургиады» (Владимирцев, 1990, с. 83). Хрестоматийно стойкая ассоциация «реалиста в высшем смысле» с Петербургом тем не менее не указывает на этнографическую однонаправленность и геолокационную константность его произведений. Этот тезис подтверждается, во-первых, пополнением терминологического арсенала достоевсковедческих штудий такими единицами, как «сибирский текст» (Сафронова, 2020), «старорусский текст» (Юхнович, 2017) и т.п.; во-вторых, сосредоточенностью современных ученых на всестороннем рассмотрении образа Москвы и московских реалий в наследии писателя (Фёдоров, 2004; Карпачева, 2013; Мякинченко, 2021) и др. Тенденциозное обращение к «локальным текстам» *целостной* художественной геопанорамы Ф.М. Достоевского, вне всякого сомнения, продуктивно и показательно, но способствует лишь фрагментарному ее восстановлению. Комплексное же рассмотрение этой масштабной структурно-семиотической модели открывает перспективы решения важнейших задач достоевсковедения.

В частности, соединение точек оформленной Ф.М. Достоевским «художественной географии» в импровизированные «изолинии» позволяет сопоставить широкие рецептивно-интерпретационные поля значимых и для него, и для его персонажей городов как культурных конструктов. Результаты такого соположения применимы и при моделировании предельно обобщенных (интегральных) образов (мифов) города, и при дешифровке уникальных мыслеобразных кодов, именуемых в современной гуманитаристике *индивидуально-авторскими концептами*. Возможностью осмысления этих концептов по траекториям семиосферы городского пространства обусловлена **актуальность** настоящей статьи.

Цель работы – продемонстрировать, что феномен «город» («городское пространство»), систематизируя «локальные тексты» романа «Подросток», выступает не столько динамикозадающей единицей его сюжетики, сколько элементом сложной когнитивной структуры, проясляющим суть ключевых концептов автора и/или его героев.

Объектом настоящего исследования избрано предпоследнее произведение Ф.М. Достоевского, нередко целокупно называемое в исследовательских трудах «петербургским романом» (Белов, 2002, с. 16), хотя это определение Аркадий Долгорукий применяет только к той основной части *своих* «Записок», которая фиксирует все «позорные [его] приключения» в Петербурге (Достоевский, 1972 – 1990, т. 13, с. 65). Концентром первых полноценных исследований романа «Подросток» в русле семиотики закономерно становится именно «петербургский текст» (см.: Цивьян, 1997а; 1997б). Т.В. Цивьян детально и матрично рассматривает не только пространство в романе, но и сам роман как «замкнутое пространство, элементы которого ослабляют свое реальное и лексическое значение и становятся семантемами» (Цивьян, 1997а, с. 693). Такой подход открывает перспективу дальнейшего рассмотрения четвертого произведения Великого Пятикнижия Ф.М. Достоевского в семиотической системе координат, которая, думается, должна быть дополнена такими точками, как «Москва», «Кёнигсберг», «Эмс». Так, в

ретроспективном ракурсе Подросток вскрывает значимые элементы «московского текста», которые обнаруживаются и в связи с судьбами его окружения. «Рамочная» композиция романа предполагает инсталляцию в «Записки» юноши разных по объему и форме передачи повествований, воспроизведенных им со слов других героев. Последовательное снятие «рамок» проявляет содержание иных, отличных по степени выраженности, «локальных текстов» романа – «кёнигсбергского», «эмсского» и др.¹ Именно поэтому в формулировке темы нашей статьи отсутствует имя конкретного (пусть и превалирующего в сюжете «Подростка») населенного пункта, а ее ключевое понятие «город» приобретает синтетический характер.

Теоретико-методологический базис. В качестве методологической платформы избран концепт-анализ литературно-поэтических явлений, эксплицированных на материале городских текстов романа «Подросток». Объектом аналитической фокусировки выступает индивидуально-авторский концепт как значимая аксиологически маркированная мыслеобразная единица, разноуровнево воплощенная в художественном тексте. Однако реконструкция окказиональных концепт-элементов больших романов Ф.М. Достоевского осложняется необходимостью различения интенций писателя и его героев. С учетом этой особенности творческого метода Ф.М. Достоевского нами был предложен и апробирован алгоритм концепт-анализа, предполагающий выполнение следующих шагов:

1) обращение к черновым автографам произведений литератора, в которых схематически представлена «эссенция» особо значимых для него смыслов. Текстово эта семантическая «выжимка» обозначается такими частотно доминирующими *словами*, которые, по выражению самого Ф. М. Достоевского, позволяют «почувствовать мысль», т. е. приводят в действие спусковой механизм *авторской* когниции. В романских эскизах классик нередко размышляет над возведением концептуально значимого *слова* в статус заглавия либо прямо определяет *его* принадлежность конкретному герою. Для того чтобы разделить нарративы фактического автора и его романских визави, рационально обратиться к эпистолярной и публицистике Ф.М. Достоевского, в которых с минимальной степенью художественной обработки зафиксированы *его* суждения и магистральные идеи;

2) реконструкция биографического, аксиологического (религиозно-философского), социокультурного, (историко-)литературного контекстов, повлиявших на оформление концепта в сознании автора и/или героя;

¹ Размышляя над структурой «петербургского текста», В.Н. Топоров выделял в нем «московский компонент» или «“московский” слой» (Топоров, 1984, с. 13). Полагаем, что такая «включенность» может быть оправдана отсутствием в произведении значимых элементов иных «локальных текстов» и явной сосредоточенностью литератора на петербургских реалиях. Многосоставность же художественной урбанистики «Подростка» и необходимое для концепт-реконструкции сопоставление ее слагаемых указывает на необоснованность сегментизации «петербургского текста» и объясняет выбор понятия «город» («городское пространство») для систематизирующей номинации.

3) введение восстанавливаемого мыслеобраза в целостную концепт-систему героя либо его литературного родителя; восстановление круга поясняющих элементов и определение характера их взаимодействия (подробнее см.: Зябрева, Капустина, 2015; Капустина, 2022).

Важно, что в качестве поясняющего элемента к концепту Ф. М. Достоевского и/или его героя может выступать не только близкий по семантическому объему субконцепт либо оппозит, но и значительно превосходящий его экспликант, всеохватно обозначить теоретический статус которого не представляется возможным. К таковым, безусловно, относится многогранный культурный конструкт «город», который, как резонно отметил С. С. Аванесов, «включает в себя различные типы рецепции», а потому «не поддается строгому логическому определению» (Аванесов, 2020, с. 61). Следовательно, и обилие терминологических идентификаций *Петербурга Достоевского* в научной литературе указывает не на правоту одних авторов и заблуждение других, а на масштабный функциональный диапазон исследуемого феномена, семантические грани которого проявляют, например, такие понятия, как «образ», «герой», «символ» и др. Показательно, что единицы литературоведческого тезауруса применительно к *Петербургу Достоевского* нередко становятся гибридными («хронотопический образ», «символический образ» и т. д.) либо сопровождаются поясняющим эпитетом онтологического характера: «духовный символ» (Белов, 2002, с. 15), «одухотворенный образ» (Назирова, 2020, с. 267), «„духовный“ пейзаж» (Белов, 2002, с. 295) и т. д.

Следует заметить, что авторы фундаментальных работ, посвященных описанию *Петербурга Достоевского*, иногда и вовсе отвлекаются от сугубо филологической терминосистемы, оправданно заменяя ее элементы общефилософскими понятиями. Например, в одноименном труде Н. П. Анциферова *Петербург Достоевского* попеременно определяется как *образ, мотив, тема*, но в резюмирующем истолковании все перечисленные термины отсутствуют; предмет исследования же характеризуется максимально широко: «существенный элемент литературных построений и душевных прозрений» классика (Анциферов, 1923, с. 61), рожденный, а не сотворенный через многогранное авторское *чувство* города, имеющий *душу* и на души воздействующий. В свете сказанного автору данной статьи представляется рациональным идентифицировать Петербург Достоевского в соответствии с установленным в ее заглавии функциональным объемом, то есть как сложный культурный конструкт, который, сопрягаясь с иными элементами «художественной геопанорамы» писателя, способствует экспликации ключевых концептов предпоследнего «звена» Великого Пятикнижия.

Аналитико-иллюстративный блок. Миф о Петербурге как городе-аномалии, возведенном вопреки природным условиям и не имеющем прочной опоры, приобрел богатейший спектр художественных преломлений в романе «Подросток». Неоднократно предрекаемый «Петербургский Апокалипсис» — следствие победы водной стихии над рукотворными каменными оковами — своеобразный «претекст» «странной, но навязчивой грезы» Аркадия Долгорукого. Недавно прибывший

из Москвы юноша, проникаясь атмосферой Петербурга, фантазирует: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 113). Мысли Подростка о призрачности и фантомности монументального «творенья Петра» часто адресуют самому Ф.М. Достоевскому. Думается, в данном случае «подмена автора» не является грубым нарушением, ведь в черновых набросках публицистики позднего периода Ф. М. Достоевский символически созвучно представляет последствия краха *обреченного города*. Художнически допуская претворение в жизнь мифо-канонического пророчества «Петербургу быть пусту!», классик видит нерушимым эпицентром хаоса легендарное изваяние Э. Фальконе с Сенатской площади: «...уцелеют немцы, множество домов без поддержки, без штукатурки, дырья в окнах, а посреди — памятник Петра» (Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 199); «в ответ на пушкинские сроки «Люблю тебя Петра творенье...»» «Виноват, не люблю его (Петербург. — С. К.). Окна, дырья — и монумент» (Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 62).

Упоминание *окон и дырьев* в признании Ф. М. Достоевского о нелюбви к новой столице В. А. Викторovich сопоставляет с ее европейскостью: «Окно — дыра — пустое место, куда дует ветер, — так трансформируется у Достоевского пушкинский образ “в Европу прорубил окно”» (Викторovich, 2019, с. 117). Полагаем, что подобную семантику открывает и схожее указание на «окна в дырьях» из приведенной цитаты набросков к «Дневнику Писателя». Повторяющаяся в нехудожественных текстах Ф.М. Достоевского пренебрежительная аллюзия на то, что град Петра создан по лекалу европейских столиц и пронизан поветрием западничества, закономерно не введена в размышления Подростка, на время прельстившегося туманящим ум и душу Петербургом.

Демоническое влияние северной столицы на Аркадия Долгорукого подспудно проявляется в его *пробах*. Пребывая в Москве, юноша проверял *свою силу* воли суррогатом схимничества. Первое московское испытание он излишне преувеличенно сравнивал с «постом» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 67), хотя ограничение в питании в этом случае вело не к воздержанию от страстей, а к их пестованию. Второй «шаг» предполагал видимость нестяжательства (отказ от траты половины ежесюточного содержания), хотя в итоге был нацелен на колоссальное стяжание в масштабах Ротшильда. *Петербургские же пробы* Аркадия — это уже не внутренний поединок с собой, а вызов, самонадеянно брошенный им *иным силам*. Результатом третьего испытания (дерзновенно выгодной перепродажи купленного на аукционе альбома) стала вожденная десятирублевая — своеобразный подкуп от того, кого Долгорукий обозначил лишь «случаем» («...это только случай; но ведь таких-то случаев я и ищу...» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 70). Четвертый же «шаг», затянувшийся на два вечера у рулетки, сначала ознаменовался «совершенно отуманившей» Подростка «славой выигрыша» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 232), а затем открыл череду событий, которые,

по словам Аркадия, «обессилили <его> ум и даже чувства» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 240). Перед финальным актом *пробы* на рулетке у Зерщикова Подросток признается: «...осмыслить не могу, что влекло меня, но влекло непреодолимо» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 265), — и, обезволенный этим еще не понятным, но явно ощущаемым сатанинским магнетизмом, поспешит за игорный стол. Его ставки сыграют, но принесут лишь химерную победу с послевкусием фиаско: «случай» вытолкнет обворованного, оклеветанного и иступленного героя в кружение *адской ночи*, обожжет его душу пламенем преисподней, которое едва не вырвется пожаром на улицы Петербурга.

Подросток внезапно ощутит чуждость северной столицы: «...всё кругом, даже воздух, которым я дышу, был как будто с иной планеты, точно я вдруг очутился на Луне» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 267); отчаянно отречется от Петербурга, почувствовав, что этот город не столько обреченный, сколько обрекающий: «“Вот это — Дворцовая площадь, вот это — Исаакий... но теперь мне до них никакого дела”; все как-то отчуждилось, все это стало вдруг *не мое*» (Там же). Однако этим отречением Аркадий не остановит вихрь тех сил, которые в черновых записях к роману названы *беспорядочными* (Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 244), и возжаждет преступления. Замутненный *беспорядком* разум Долгорукого преобразует его «странную, но навязчивую грезу»: юноша больше не будет представлять *саморастворяющийся* в тумане город-призрак, а захочет поспособствовать его «уходу кверху», то есть «все вдруг взорвать на воздух» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 269) или превратить в едкий дым.

Полуфантастическая сцена «адской ночи», стирающая границы между прошлым и настоящим, сном и явью, Петербургом и Москвой, — одна из самых выразительных в «Подростке» репрезентаций концепта Ф. М. Достоевского «беспорядок». Ночные мытарства Долгорукого и его встреча с будто бы вышедшим из сна Ламбертом — событийная иллюстрация по-особому расслышанного автором слова «беспорядок», в котором актуализируется народно-этимологическое истолкование «бесовский порядок» (подробную аргументацию приведенной нами гипотезы см.: (Капустина, 2021a)). Игра смыслов, открывающая метафизические причину и следствия наступления порубежной «эпохи хаоса и разложения», сделала реализующее их понятие концептуально привлекательным для Ф. М. Достоевского. Слагая замысел «Подростка», он отмечал: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых по тому же нет), в разложении семейного начала» (Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 80). Значимость указанного слова в мыслеобразной канве произведения доказывается и тем, что Ф. М. Достоевский неоднократно рассматривал *его* в качестве заглавия.

Допущение пусть и не востребованного в итоге заголовка тем не менее дублирует стремление классика изобразить «беспорядок везде и всюду», то есть предупреждает ошибочное представление о Петербурге как о единственном в России локусе беспорядочных сил. Развертывание

авторского концепта «беспорядок» в романе «Подросток» целесообразно проследить по «изолинии» «Москва — Петербург», которая в данном контексте будет лишена категоричной антитегичности. Бесспорно, Ф. М. Достоевский признавал генетически обусловленную полярность обеих столиц («Ведь уж чего бы кажется противоположнее, как Петербург с Москвой, если судить по теории, в принципе: Петербург-то и основался как бы в противоположность Москве и всей ее идее» (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 7)), однако настаивал на их вечной спаянности в высшем смысле («Душа была единая и не только в этих двух городах, но в двух городах и во всей России вместе, так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия» (Там же); курсив автора). Бесовское же поветрие, сквозящее из пресловутого прорубленного Петром I «окошка»,² посягало на душу *всей России*, но сильнее всего расточило «заразу беспорядка» (Достоевский, 1972—1990, т. 24, с. 114) именно над «прежним финским болотом» (Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 113).

Выдвинутый тезис иллюстрируется, в том числе, сопоставлением абрисно обозначенных в художественной ткани «Подростка» этнопсихологических антропологом «совершенно петербургский тип» и «особый московский характер». Олицетворением последнего выступает Марья Ивановна, аттестуемая Катериной Николаевной Ахмаковой как «...целый характер, и особый, московский...» (Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 128). Поясняя суть этой характеристики, Т. С. Карпачева предположила, что речь идет о «властном характере, отчасти похожем на грибоедовские женские образы, однако без комизма и без такого семейного тоталитаризма, как описан в “Горе от ума”» (Карпачева, 2013, с. 43). Полагаем, что эта во многом справедливая трактовка тем не менее излишне сосредоточена на грибоедовских ассоциациях, которыми обогащается, но отнюдь не исчерпывается «московский текст» «Подростка». Для выявления же значимых черт «особого московского характера», думается, необходимо расширить поисковый фокус поясняющих контекстов внутри романа и проанализировать их сквозь призму доминантных историософских суждений Ф. М. Достоевского о Москве.

Итак, заключению Ахмаковой об «особом московском характере» предшествует предложение Татьяны Павловны *победить и обольстить* Марью Ивановну (Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 128). Однако обаянию генеральши последняя не поддается: «Обольщала, Татьяна Павловна, пробовала, в восторг даже ее привела, да хитра уж и она очень...» (Там же). Стойкость и хитрость хозяйки московского дома Подростка

² Негативная авторская коннотация проявляется в пренебрежительной трансформации основного элемента ранее приведенной пушкинской метафоры в «окошко» и повторении именно этого словообразовательного варианта применительно к Петербургу: «...теперь же, когда роль Петербурга и культурный период прорубленного в Европу *окошка* кончились...» (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 6); «О, конечно, кто теперь из всех русских, и особенно когда все прошло (потому что период этот и впрямь прошел), кто из всех даже русских будет спорить против дела Петра, против прорубленного *окошка*, восставить на него и мечтать о древнем Московском царстве?» (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 40) (полужирный курсив в обоих примерах мой. — С. К.).

будто бы характерологически оттеняются собирательным образом купца «ндраву моему не препятствуй» из «старого московского анекдота» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 222), рассказанного Аркадию Версиловым в трактире. Схожие качества выделяет Ф. М. Достоевский и у допетровской России, аллегорически соотнесенной им с Москвой: «деятельна и крепка» (Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 46). Однако если незыблемость «древней России» обусловлена тем, что она — «храмительница Христовой истины, <...> настоящего Христова Образа» (Там же), то неподвластная оболщению Марья Ивановна ориентируется всего лишь на романские образы и мораль светской литературы. Аркадий свидетельствует: «...Марья Ивановна была и сама нашпигована романами с детства и читала их день и ночь, несмотря на прекрасный характер» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 58). Причину диссонанса литературной увлеченности и «прекрасного характера» героини Д. С. Лихачев объяснил предположением о том, что «...азартное чтение романов» может быть «признаком душевной неуравновешенности» (Лихачев, 1987, с. 278). Считаем, что нравственно независимая, самодостаточная и хитроумно деятельностная Марья Ивановна скорее не укреплена духовно, нежели не уравновешена душевно. Именно поэтому при напутствии в Петербург она не благословляет Аркадия, не просит для него высшего представительства и защиты, а *вооружает* письмом-компроматом, искушая юношу возвеличивающим амплуа властелина чужой судьбы. Следовательно, при наличии положительных качеств и имеющемся потенциале «особый московский характер» порубежной поры чрезмерно сосредоточен на прозе жизни, а не на укрепляющих душу высших законах православия. Пренебрежение верой вследствие излишней осуетненности — показатель неосознанного соприкосновения «особого московского характера» с *беспорядком*, опасной поврежденности *им*.

«Совершенно петербургский тип» же, напротив, осознанно допускает сделку с бесовщиной, поскольку пронизан обыденной для российской евростолицы фантастической и затуманивающей атмосферой *беспорядка*. Аркадий делает ценное наблюдение: «В такое (фантастическое. — С. К.) петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из “Пиковой дамы” (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 113). И Марья Ивановна, и Германн охарактеризованы в произведениях выразительным эпитетом «романический/ая». Однако если героиня «Подростка» взирает на мир сквозь призму романов о любви-ненависти, то персонаж А. С. Пушкина — вершинное лицо романа *петербургского периода*; произведения, которое Ф. М. Достоевский назвал «верхом искусства фантастического» (Достоевский, 1972–1990, т. 30(1), с. 192).

И в «Подростке», и в «Пиковой даме» «европеизированный город-“парадиз”» (Владимирцев, 1990, с. 86) демонстрирует свою оборотность, воздействуя на неукрепленных в понимании добра и зла людей как город-«геенна». Обрусевший немец Германн, воплощающий, по

мнению Подростка, «совершенно петербургский тип», «готов взять грех... на свою душу» ради сулящей несметные богатства тайны Сен-Жермена, вполне отдавая себе отчет, что «...может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором...» (Пушкин, 1977–1979, т. 6, с. 227). А. С. Пушкин отмечает твердость характера своего героя-игрока, воспитанную без опоры на православие: «...имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков» (Пушкин, 1977–1979, т. 6, с. 232). Лишенный источника всепобеждающей силы Христовой Германн становится легкой добычей рассредоточенных в Петербурге *беспорядочных сил*, которые сначала соблазняют и отуманивают его разум «дикой мечтой», а после насмешливо отнимают и мечту, и разум.

Л. В. Сыроватко так определила причины текстовых отсылок Ф. М. Достоевского к произведениям своего великого предтечи: «Пушкинский текст для действующих лиц “Подростка” – не столько самораскрытие, сколько темное предсказание о будущем Дельфийского оракула... И, подобно тому, как человек, орудие рока, чаще всего не чувствует предопределения, видимого лишь извне, со стороны, так и действующие лица “Подростка” не вдумываются в предсказания пушкинского текста: они предназначены для читателя» (Сыроватко, 1998, с. 112). Принимая во внимание замечание исследовательницы, можно предположить, что Ф. М. Достоевский через апелляцию к Германну обозначает перед читателем один из вариантов судьбы Аркадия Долгорукого. Радетель Ротшильдовой идеи также укрепляет ее именно в Петербурге, «которому, по некоторому расчету, отдал преимущество» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 68) перед Москвой. Такое же самонадеянное, как у пушкинского персонажа, упование исключительно на холодный расчет приводит Подростка к «позорным приключениям» в городе на Неве и их страшной кульминации – «адской ночи». Однако печального финала одержимого игрока «с профилем Наполеона и душой Мефистофеля» (Пушкин, 1977–1979, т. 6, с. 229) Долгорукому удастся избежать. Как верно отметила по этому поводу Е. А. Фёдорова, «от окончательного падения героя спасает молитва матери», поскольку «Софья Андреевна – носительница соборного начала» (Фёдорова, 2021, с. 269) и защищающей чадо материнской любви, которую Ф. М. Достоевский прямо соотносит с благообразием: «...существует еще материнская любовь, т.е. еще благообразие» (Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 365).

Примечательно, что знаковая концепт-оппозиция «безобразия» / «благообразия» задается в романе именно Аркадием Долгоруким, но при этом составляет своего рода художественный ответ Ф. М. Достоевского «Критике чистого разума» И. Канта, данный вслед за А. С. Пушкиным и выстроенный с ориентацией на русское народное религиозное самосознание. «Безобразием» Подросток обозначает то, что в черновиках Ф. М. Достоевского именуется «внутренним беспорядком» (детальное контекстуальное обоснование выдвинутого нами тезиса см.: (Капустина, 2021a)). Записки юноши нацелены в первую очередь на его *самовыделку*, то есть на борьбу со страстями и пороками, именно поэтому с момента сильнейшего духовного потрясения – «адской ночи» – он

начинает прозревать inferнальную подоплеку собственных петербургских метаний и миражей, интроспективно анализировать происходящее, искать «отвод всем наваждениям, спасение, якорь» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 297). Закономерно, что имя концепта «безобразия» Аркадий сформулирует только на заключительных страницах своей олитературенной исповеди. Это наречение ознаменует конец петербургского кружения героя и начало его сознательного устремления к той незыблемой праоснове, которой он причастился еще ребенком.

Вихрь петербургской «адской ночи» Подростка смолкает под «приятный, плавный звон» «старинной московской церкви» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 270). Колокол из прошлого будто бы запускает механизм событийного реверса в романе. Однако изначальной «точкой возврата» становится для героя не Москва, а момент его первого причащения в *деревенском* храме. Этот бережно хранимый в сердце юноши эпизод из детства — одно из предвестий его светлой перспективы, указание на исцеляющую и преображающую *живую жизнь*, воплощенную в богоносных народных образах Софьи и Макара Долгоруких.

Следует заметить, что в оторванности Петербурга от животворящей народной силы Ф. М. Достоевский видел причину его *беспорядка*: «Народ. Там всё. Ведь это море, которого мы не видим, запершись и ограждаясь от народа в чухонском болоте» (Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 62). Словно разгоняя туман обреченного города светлыми лучами, писатель вводит в художественное пространство романа представительей деревни, которые несут в себе твердыню Православия и, по выражению Версилова, «...могут продолжать жить по-своему в самых ненатуральных для них положениях и в самых не ихних положениях оставаться совершенно самими собой» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 105).

Одной из «изолиний», семантически раскрывающих многосоставный концепт Ф. М. Достоевского «Народ» в романе «Подросток», выступает пространственная триада «Москва — Кёнигсберг — Петербург», которая неслучайно совпадает с фрагментом жизненного маршрута Софьи Долгорукой. Именно ей, уроженке русской деревни, довелось в качестве испытания и своего рода *служения* подолгу находиться в духовно чуждых и не органичных ее природе местах: «...живали они в Москве, живали по разным другим деревням и городам, даже за границей и, наконец, в Петербурге» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 13). Тем не менее она сохранила свою крепчайшую внутреннюю опору и в прозаической суете основанной ее однофамильцем столицы, и на балтийском культурном пограничье России и Запада, и в фантомно парящем над Невой городе Петра. Софья Андреевна даже в первые годы жизни с Версильевым не прельстилась веяниями европейской моды ни внутренне, ни внешне, а его требование «чтобы... рядилась» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 382) восприняла как *несчастье*, понимая, что «в чужом костюме она будет только смешна» (Там же).

Если же читателю открыты такие выразительные нюансы о Софье Долгорукой как простонародный земной поклон Тушарам и Аркадию в Москве или обращение на «вы» к приехавшему в Петербург сыну, то

ее «кёнигсбергская история» крайне сжато обозначается сначала Подроском («...бедная рассказывала иногда с каким-то ужасом и качая головой, как она прожила тогда целые полгода, одна-одинешенька, с маленькой дочерью, не зная языка, точно в лесу, а под конец и без денег» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 65)), а после Версиловым («Она едва до Кёнигсберга тогда доехала, да там и осталась, а я был на Рейне. Я не приехал к ней, а ей велел оставаться и ждать» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 384)).

Создается впечатление, что в романе Ф.М. Достоевского не представлен «кёнигсбергский текст», а есть только упоминания об этом городе, необходимые преимущественно для прорисовки безграничного эгоизма Версилова и колоссального смирения Софьи Андреевны. Однако даже скупые строки о Кёнигсберге открывают некоторые доминантные черты соответствующего «локального текста». Проявляется, например, что Кёнигсберг был центром пограничной с Россией Восточной Пруссии, то есть первым крупным *генетически, а не подражательно* европейским городом на пути из Петербурга. То, что Софья «целые полгода» ожидала своего «русского европейца», пребывая *на пороге Европы* «точно в лесу», еще раз подчеркивает отмеченную Подроском *разнородность* матери с отцом, то, что она была для него «совершенно из другого мира и из другой земли» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 12). Если первый «бесконечно силен» «непосредственную силою уживчивости» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 171), позволяющей ему «чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время» (Там же), подстраиваться под обстоятельства любых локусов и оправдывать духовную шатость «прогрессивной» широкостью, то вторая сильна «настоящею силою» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 104), которая, по свидетельству Версилова, *питает ее*, то есть помогает сохранить самое себя даже в самых сложных условиях, укрепляет сердце, готовое ради святых основ народного православия «просто хоть на муки» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 105).

Концепт «сила» объемно и полюсно репрезентирован в «Подростке». Петербургский роман Аркадия начинается с упроченной «беспорядочными силами» жажды «собственной силы, и уже настоящей, не зависимой ни от кого... в целом мире» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 281), а завершается предвосхищением «новой надежды и новой силы» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 291), стремлением укрепиться во Христе, восстановить в себе помраченный страстями Святой Образ. Спасительный ориентир — благообразие — зарождается в сознании юноши благодаря тем представителям богоносного русского народа, которые сами живут по кардиогностически воспринятым заветам православия. Неслучайно Софья Долгорукая в произведении характеризуется как «тонкое и догадливое сердце» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 386), а у Макара Ивановича, по замечанию Аркадия, «предчувствовалось почти безгрешное сердце», «было “веселие” сердца, а потому и “благообразие”» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 309).

Концепт «сердце», безусловно, сформировался у Ф.М. Достоевского под влиянием святоотеческой традиции. Ядерное значение художественно репрезентированного в произведениях классика мыслеобраза —

«вместилище Высшей Силы», «обитель Бога», «главный орган Его восприятия» — дублирует толкования *сердца* в трудах сторонников «внутреннего делания». Учитывая же гениальность и масштаб читательской личности Ф. М. Достоевского, воспринимавшего книги как необходимую для постоянного развития духовную пищу, логично допустить и иные интертекстуальные импульсы, способствующие кристаллизации у него указанного концепта. Например, Е. Черкасова приводит доводы в пользу того, что размышления о *сердце* — редкая, но выразительная точка пересечения этико-философских воззрений Ф. М. Достоевского и И. Канта. По мнению исследовательницы, *сердце* в осмыслении И. Канта — своеобразное мерило долга, одна из основ моральной религии разума; в понимании же Ф. М. Достоевского *оно* «не просто художественный способ, помогающий автору описать внутреннюю жизнь человека, но многофункциональный концепт — адресат, с которым общается Бог, вместилище противоречий человеческой природы, хранилище тайн человеческой души» (Cherkasova, 2009, p. 11). Однако отмеченное Е. Черкасовой сближение двух гениев сложно обосновать академически: в современном литературоведении отсутствуют неопровержимые аргументы в пользу чтения Ф. М. Достоевским работ И. Канта³. Но то, что самозабвенно интересующийся реалиями века Просвещения автор «Подростка» имел представление о биографии и творческой деятельности основоположника немецкой классической философии, сомнения не вызывает.

Принимая во внимание отсутствие строгой аргументации, указывающей на уровень погруженности Ф. М. Достоевского в кантианский контекст, можно лишь гипотетически предположить отсылки на И. Канта в «Подростке» и, соответственно, пунктирно обозначить еще один элемент «кёнигсбергского текста» в романе. Думается, Софья Андреевна неслучайно отправлена Ф. М. Достоевским в вынужденное «кёнигсбергское затворничество» на родину великого «кёнигсбергского затворника». Этим диссонансным соединением героини и города классик будто бы художественно адаптировал взгляды И. Канта на религиозную соотнесенность сердца и разума к русскому народу, который «плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры», но руководствуется и укрепляется «сердечным знанием Христа» (Достоевский, 1972—1990, т. 21, с. 33).

³ Я. Э. Голосовкер в работе «Достоевский и Кант» (Голосовкер, 1963) впервые назвал доказательством знакомства литератора с «Критикой чистого разума» строки из его письма к брату, содержащие просьбу прислать эту книгу (Достоевский, 1972—1990, т. 28(1), с. 173). Однако в достоевсковедении нет указаний на то, была ли удовлетворена просьба адресанта и прочел ли он заказываемое произведение. Тем не менее библиография по сформулированной Я. Э. Голосовкером проблеме регулярно пополняется новыми источниками, выявляющими тексты, благодаря которым Ф. М. Достоевский якобы получил или мог получить представление о И. Канте и его антитетике. Среди таковых называются произведения Ф. Шиллера и книга «Кризис западной философии» В. С. Соловьева (Мехед, 2016), интервью с И. Кантом Карамзина, включенное в «Письма русского путешественника» (Cherkasova, 2009) и т. д.

Частые несовпадения в «изолиниях» жизненных маршрутов Долгорукой и Версилова — оригинальная геоэкспликация авторского концепта «случайное семейство», предупреждающего о хрупкости и незащищенности той «малой церкви», которая выстроена «без “фундамента” — чистой, не оскверненной блудом любви, “купола” — единения супругов в Вечности и “креста” — Божьей благодати, обретаемой при Таинстве Венчания» (Капустина, 2021б, с. 201). Впрочем, даже пребывание всех членов семьи Версилова в Петербурге не способствует их жизни под одной крышей. Недолгий совместный быт Андрея Петровича, Софьи Андреевны, Лизы и Аркадия — лишь следствие нищеты, ограничившей возможность «блудного отца» привычно нанимать отдельную квартиру. Отсутствие у «случайного семейства» Подростка постоянного крова — одно из проявлений внутренней потребности Версилова к скитальчеству «русского европейца», который с готовностью жертвует родной почвой ради приобщения к «фешенебельной толпе» играющих в рай вне России (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 85).

Концепт «скитальчество» эксплицируется в романе «Подросток», помимо прочего, через доминанты «эмсского текста». Значимые этапы работы Ф.М. Достоевского над этим произведением неразрывно связаны с Эмсом — «местом блестящим и модным» в Германии, куда «съезжаются со всего света больные преимущественно грудью, “катарами дыхательных путей” и весьма успешно лечатся у его источников» (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 70). Сам писатель посетил Эмс, возлагая большие надежды на его целебные воды. Как отмечает Н.А. Натова, «годы пребывания Достоевского в Эмсе совпали с блестящим, но шумным периодом истории курорта» (Натова, 1971, с. 52): в это время живописный городок почтил своим визитом император Вильгельм, несколько ранее красотами немецкой здравницы наслаждался русский царь Александр II. Вполне очевидно, что внимание столь высоких гостей позитивно влияло на уровень популярности курорта среди тех, кто жаждал принадлежать к элитарному обществу. Именно поэтому русскую публику, которая регулярно совершала эмсские променады и ежеутренне толпилась в курзале, Ф.М. Достоевский условно разделил на больных, кому жизненно необходимо лечение, и здоровых, «которых много и которые черт знает зачем сюда наехали» (Достоевский, 1972—1990, т. 29 (1), с. 33).

Это разделение нашло художественный отклик в «Подростке». Прибывшие в Эмс генерал Ахмаков с дочерью Лидией и супругой Катериной Николаевной, очевидно, относятся к первой категории, а Версиров — ко второй. Детали истории с женитьбой Андрея Петровича на Лидии и пощечиной, полученной им от Сергея Сокольского, остаются неизвестными. Сам герой метонимически называет всю ситуацию «Эмс» и характеризует ее как «пока еще тайну» (Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 110). Однако и выбор светского курорта в Германии, и желание отправиться туда в одиночку, *разженившись* с Софьей, верно ожидающей в Кёнигсберге, — *штрихи русского скитальца*, «носимого всеми ветрами Европы» (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 84) по ее внешне прогрессивным уголкам; пребывающего «без земли под собою, без почвы и начала» (Там же).

Концепт «скитальчество» в романе образует связку с концептом «лакейство». Желание угождать и прислуживать свойственно не столько «лакейской душе» Аркадия, в пансионные годы прилежно чистившего костюм Тушара, сколько — в более масштабном геополитическом контексте — его биологическому отцу, подстраивающемуся под чуждые ценности в угоду моде. «Сила уживчивости» по-лакейски заискивающего перед Европой русского скитальца противопоставляется в романе силе «живой жизни» русского странника, несущего сердечное служение Христу и родному народу. Если «изолинию» скитальчества Андрея Версилового сложно восстановить из-за обилия перемешавшихся в ней русских и европейских точек, то «изолинию» странничества Макара Долгорукого можно идентифицировать как «вся Россия». По справедливому утверждению А. Г. Гачевой, «Макар Иванович идет по земле, любя и благословляя мир Божий: людей и животных, растения и деревья, поля, леса, озера, светила небесные...» (Гачева, 2005, с. 437), возвещая свое «умилительное слово» (Там же) и преображая им заблудших и беспорядкующих. Ф. М. Достоевский будто бы играет на контрастах: бывший дворовой человек Версилового, садовник Макар, подвигается в странническом служении и приобретает «целый мир», стремясь, по завету Христову, стать всем слугою (Достоевский, 1972 — 1990, т. 13, с. 311); блестящий же помещик, бесцельно скитаясь по миру, теряет собственное «родовое предание» и, лакействуя в высшем смысле, нравственно рядится в снисходительно поданный ему «европейский мундир» (Достоевский, 1972 — 1990, т. 23, с. 42).

Выводы. Значимый культурный конструкт «город» проявляется в романе «Подросток» через разные по объему и степени выраженности «локальные тексты» — «петербургский», «московский», «кёнигбергский», «эмсский» и др. Они не только задают тон жизненным маршрутам героев или характеризуют их, но и эксплицируют ключевые концепты произведения; помогают постичь ту важную информацию, которая будто бы приведена между строк. Предпринятый анализ художественно аранжированной урбанистики самого малоизученного романа Ф. М. Достоевского есть первый подступ к комплексному и системному рассмотрению представленной в наследии классика геопанорамы, на материале которой возможно реконструировать магистральные концепты автора и его героев.

Список литературы

Аванесов С. С. Город как культурный миф // Миф в истории, политике, культуре : матер. IV Междунар. науч. междисциплинарной конф. Севастополь, 2020. С. 57 — 61.

Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. Пб., 1923.

Белов С. В. Петербург Достоевского. СПб., 2002.

Викторович В. А. «Медный всадник» в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 107 — 122.

Владимирцев В. П. Петербург Достоевского (поэтика локальных историко-этнографических отражений) // Проблемы исторической поэтики. № 1. 1990. С. 82 — 99.

Гачева А.Г. «Странник» А.Г. Майкова в художественном мире Достоевского // Достоевский: дополнения к комментарию / под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2005. С. 422 – 455.

Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972 – 1990.

Зябрева Г.А., Капустина С.В. Концепт в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского) // Концепт: грани понятия в современной науке. Ногинск, 2015. С. 4 – 45.

Капустина С.В. Концепт «беспорядок» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021а. №3(15). С. 76 – 97.

Капустина С.В. «Подросток» – поколению «Z»: специфика изучения предпоследнего романа Ф.М. Достоевского в школе // Дискурс Некрасова и Достоевского: культурное наследие и его интерпретация : матер. Всерос. с междунар. участием науч. конф. Ярославль, 2021б. С. 199 – 210.

Капустина С.В. «...Соприкосновение с Красотою Идеала есть и в былинах наших...»: о взаимодействии концептов «Богатырство» и «Красота» у Ф.М. Достоевского // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2022. №3 (42). С. 306 – 309.

Карпачева Т.С. Образ Москвы в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Москва и «Московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей. 2013. Вып. 7. С. 39 – 45.

Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература // Избр. работы : в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 221 – 476.

Мехед Г.Н. Опыт сравнительного исследования этики И. Канта и Ф.М. Достоевского: методологический комментарий // Философская мысль. 2016. №11. С. 130 – 143.

Мякинченко М.А. Москва в литературной памяти Ф.М. Достоевского: генезис, место и роль в художественной системе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Назирова Р.Г. Образ Петербурга в русской литературе // Назировский архив. 2020. №3 (29). С. 253 – 268.

Натова Н.А. Ф.М. Достоевский в Бад Эмсе. Франкфурт н/М, 1971.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977 – 1979.

Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского. Барнаул, 2020.

Сыроватко Л.В. Некоторые аспекты «пушкинской темы» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Пушкин и Достоевский : матер. Междунар. науч. конф. Великий Новгород ; Старая Русса, 1998. С. 112 – 118.

Топоров В.Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. Вып. 664 : Семиотика города и городской культуры. Петербург. 1984. С. 4 – 30.

Фёдоров Г.А. Московский мир Ф.М. Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004.

Федорова Е.А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике писателя» (1876) Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, №1. С. 258 – 282.

Цивьян Т.В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга. М., 1997а. С. 661 – 707.

Цивьян Т.В. Петербургский быт и петербургский текст: интерьер в романе Достоевского «Подросток» // Europa Orientalis. XVI. 1997. №26. С. 173 – 192.

Юхнович Ю.В. Старорусский текст Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017.

Cherkasova Ye. Dostoevsky and Kant: Dialogues on Ethics. Amsterdam, 2009.

Об авторе

Светлана Владимировна Капустина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия.

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0608-5258

Для цитирования:

Капустина С. В. Город как экспликант базисных концептов романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №4. С. 124–141. doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

CITY AS AN EXPLICANT OF THE KEY CONCEPTS IN DOSTOYEVSKY'S "THE ADOLESCENT"

S. V. Kapustina

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

4, Vernadsky Avenue, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia

Submitted on July 05, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-9

The perception of Fyodor Dostoevsky as a literary painter of St. Petersburg has become an axiom in literary criticism. However, modern researchers pay attention to the significance of other cities for the writer, which are inextricably linked both with his biography and his work. Fyodor Dostoevsky not only instantly noticed visual metaphors and historical and cultural narratives of the places where he was destined to be, but he also included presciently read city texts in his literary works. This article is aimed to identify those 'local texts' of the urban space in the novel "The Adolescent", which contribute to the reconstruction and representation of its basic concepts. This research affirms the consistency and integrity of the artistic geo-panorama created by Fyodor Dostoevsky. The creation and representation of concepts both by the writer and his heroes are carried out by comparing individual points and forming a kind of textual 'isolines'. As an analytical and illustrative material, various modifications of such "isolines" of are given, the elements of which are St. Petersburg, Moscow, Königsberg, and Ems. The local texts of these cities contribute to the restoration of the nucleus meanings of the basic concepts of the penultimate work by Fyodor Dostoevsky, which include: disorder, ugliness, goodness, random family, strength, heart, living life, pilgrimage, wandering, care, and flunkeyism.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, novel "The Adolescent", city, concept, local text, Petersburg text, Moscow text, Königsberg text, Ems text

References

Antsiferov, N.P., 1923. *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoevsky 's Petersburg]. St. Petersburg (in Russ.).

Avanesov, S.S., 2020. The city as a cultural myth. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii* [Mif story, politics, kul'tura: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii mezhdistsiplinarnoi]. Sevastopol, pp. 57–61 (in Russ.).

Belov, S. V., 2002. *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoevsky 's Petersburg]. St. Petersburg (in Russ.).

Cherkasova, Ye., 2009. *Dostoevsky and Kant: Dialogues on Ethics*. Amsterdam.

Dostoevsky, F. M., 1972–1990. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [The complete works: in 30 volumes]. Leningrad (in Russ.).

Fedorov, G. A., 2004. *Moskovskii mir F. M. Dostoevskogo. Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [The Moscow World of F. M. Dostoevsky. From the history of Russian art culture of the XX century]. Moscow (in Russ.).

Fedorova, E. A., 2021. Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel “The Raw Youth” and A “Writer’s Diary” (1876) by Fyodor M. Dostoevsky. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 19 (1), pp. 258–282 (in Russ.).

Gacheva, A. G., 2005. “The Wanderer” by A. G. Maikov in the art world of Dostoevsky. In: T. A. Kasatkina, ed. *Dostoevsky: dopolneniya k kommentariyu* [Dostoevsky: additions to the commentary]. Moscow, pp. 422–455 (in Russ.).

Golosovker, Ya. E., 1963. *Dostoevsky i Kant. Razmyshlenie chitatel'ya nad romanom «Brat'ya Karamazovy» i traktatom Kanta «Kritika chistogo razuma»* [Dostoevsky and Kant. Reader's reflection on the novel “The Brothers Karamazov” and Kant's treatise “Criticism of Pure Reason”]. Moscow (in Russ.).

Kapustina, S. V., 2021a. The Concept of “Besporjadok” (“Disorder”) in Dostoevsky’s Novel The Adolescent. *Dostoevsky i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological journal], 3 (15), pp. 76–97 (in Russ.).

Kapustina, S. V., 2021b. “The Raw Youth” to the generation “Z”: the specifics of studying the penultimate novel by F. M. Dostoevsky at school. In: *Diskurs Nekrasova i Dostoevskogo: kul'turnoe nasledie i ego interpretatsiya: materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnaya konferentsiya* [The discourse of Nekrasov and Dostoevsky: Cultural heritage and its interpretation. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Yaroslavl, pp. 199–210 (in Russ.).

Kapustina, S. V., 2022. “...Touching the Beauty of the Ideal is in our epic...”: about the interaction of the concepts “Bogatirstvo” (“Heroism”) and “Krasota” (“Beauty”) in Dostoevsky's works. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 3 (42), pp. 306–309 (in Russ.).

Karpacheva, T. S., 2013. The image of Moscow in F. M. Dostoevsky's novel “The Raw Youth”. In: *Moskva i «Moskovskii tekst». Moskva v sud'be i tvorchestve russkikh pisatelei* [Moscow and the “Moscow Text”. Moscow in the fate and work of Russian writers], Vol. 7, pp. 39–45 (in Russ.).

Likhachev, D. S., 1987. Literature – reality – literature. In: D. S. Likhachev, ed. *Izbrannye raboty: v trekh tomakh* [Selected works: in 3 vol.], Vol. 3. Leningrad. pp. 221–476 (in Russ.).

Mekhed, G. N., 2016. The experience of a comparative study of the ethics of I. Kant and F. M. Dostoevsky. *Filosofskaya mysl'* [The Philosophical thought], 11, pp. 130–143 (in Russ.).

Myakinchenko, M. A., 2021. *Moskva v literaturnoi pamyati F. M. Dostoevskogo: genesis, mesto i rol' v khudozhestvennoi sisteme* [Moscow in the Literary Memory of F. M. Dostoevsky: genesis, place and role in the Artistic system]. PhD dissertation. Moscow (in Russ.).

Natova, N. A., 1971. *F. M. Dostoevsky v Bad Emse* [F. M. Dostoevsky in Bad Ems]. Frankfurt a/M (in Russ.).

Nazirov, R. G., 2020. The image of St. Petersburg in Russian literature. *Nazirovskii arkhiv* [Nazirovsky archive], 3 (29), pp. 253–268 (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1978. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Complete Works: In 10 vol.], Vol. 6. Leningrad (in Russ.).

Safronova, Ye. Yu., 2020. *Sibirskii tekst F. M. Dostoevskogo* [Siberian text by F. M. Dostoevsky]. Barnaul (in Russ.).

Syrovatko, L. V., 1998. Some aspects of the “Pushkin theme” in F. M. Dostoevsky's novel “The Raw Youth”. In: *Pushkin i Dostoevsky: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Pushkin and Dostoevsky: Proceedings of the International Scientific Conference]. Veliky Novgorod; Staraya Russa, pp. 112–118 (in Russ.).

Toporov, V. N., 1984. Petersburg and the Petersburg text of Russian literature. In: Yu. M. Lotman, ed. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University], Vol. 664, pp. 4–30 (in Russ.).

Tsiv'yan, T. V., 1997. On the structure of time and space in Dostoyevsky's novel “The Raw Youth”. In: T. M. Nikolaeva, ed. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [From the works of the Moscow Semiotic Society]. Moscow, pp. 661–707 (in Russ.).

Tsiv'yan, T. V., 1997. The Petersburg way of life and the Petersburg text: the interior in Dostoevsky's novel “The Raw Youth”. *Europa Orientalis*, XVI (2), pp. 173–192 (in Russ.).

Viktorovich, V. A., 2019. “The Bronze Horseman” in the Works of F. M. Dostoevsky. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 17, 4, pp. 107–122 (in Russ.).

Vladimirtsev, V. P., 1990. Dostoevsky's Petersburg (poetics of local historical and ethnographic reflections). *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1, pp. 82–99 (in Russ.).

Yukhnovich, Yu. V., 2017. *Starorusskii tekst F. M. Dostoevskogo* [The Old Russian text by F. M. Dostoevsky]. PhD dissertation. Saratov (in Russ.).

Zyabreva, G. A. and Kapustina, S. V., 2015. Concept in literary discourse (based on the works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky). In: K. A. Loseva, ed. *Kontsept: grani ponyatiya v sovremennoi nauke* [Concept: facets of the concept in modern science: a collective monograph]. Noginsk, pp. 4–45 (in Russ.).

The author

Dr Svetlana V. Kapustina, Associate Professor, the Department of Russian Language and Speech Culture, Institute of Philology, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

To cite this article:

Kapustina, S. V., 2022, City as an explicant of the key concepts in Dostoyevsky's “The Adolescent”, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 4, p. 124–141. doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-9.

